

**В форуме «Байбурин: pro et contra»
приняли участие:**

Юлия Ивановна Ковырина (Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия)

Жанна Владимировна Кормина (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия)

Елена Анатольевна Левичкина (Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия)

Сергей Анатольевич Штырков (Европейский университет в Санкт-Петербурге /
Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург,
Россия)

Форум

Байбурин: pro et contra

ВОПРОСЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Как обычно, редакторы АФ сформулировали некоторые вопросы к очередному «Форуму» и разослали их по городам и весям. И, как обычно, некоторые авторы вместо ответов на вопросы написали что-то совершенно другое. Все присланные тексты читатель найдет в разных рубриках этого спецвыпуска, но собственно в «Форум» в итоге попали только четыре реплики.

- 1** *Опишите, пожалуйста, Альберта Каишфуловича Байбурина и свое знакомство с ним. Вспомните какой-нибудь эпизод ваших отношений с АК, который характеризовал бы его (или вас) с какой-нибудь стороны. Опишите, пожалуйста, свои чувства к Байбурину.*
- 2** *Почему вы выбрали (и особенно — не выбрали) Байбурина в научные руководители?*
- 3** *Если он вами руководит сейчас или руководил в прошлом — опишите свои чувства и воспоминания об этом процессе. Если не руководил, но вы слушали его курсы — все равно опишите чувства.*
- 4** *Следующие три вопроса касаются роли идей Байбурина в вашей жизни:*
 - а) Опишите свое жилище. Какие действия вы совершали, чтобы оно стало вполне своим (удобным, безопасным etc.)? Были ли эти действия публичными, коллективными, символическими, тайными?*

б) Опишите наиболее запомнившийся вам ритуал вашего жизненного цикла.

в) Опишите любой свой паспорт (включая обложку). Использовали ли вы паспорт непредусмотренным образом, и если да, то как именно? Пользовались ли вы когда-нибудь чужим паспортом и что вы при этом чувствовали?

5

Еще раз опишите, пожалуйста, свои чувства к Байбурину.

Спасибо!

ЮЛИЯ КОВЫРШИНА

1

До нашего знакомства с Альбертом Кашфуловичем я встречала его на конференциях и конгрессах. Он проходил где-то вдалеке, как океанский лайнер мимо Мартина Идена, всегда подтянутый, строгий, в темном пиджаке. То ли самурай, то ли божество. Шутка ли — живой автор фольклористической библии, с максимальным числом цитирований по любым хиршам. Ну что я могла вообще ему сказать? О чем говорить? А он мне?

В день, когда я сдавала вступительный экзамен на факультет антропологии, АК что-то сказал мне (я уже и не помню, что) холодно и отстраненно. Кажется, речь шла о нашем общем знакомом этнографе, через личность которого меня тогда воспринимали. За первые полгода обучения на факультете, думается, мне удалось сформировать в сознании АК образ себя, наполненный совершенно отдельными тараканами. Он даже зачитывал и цитировал фрагмент моего эссе о поморском чаепитии на лекциях (жизнь удалась!).

АК — человек Времени и Мысли, воплощенных в слове. Я больше не помню таких лекций, какими были «Введение в культурную антропологию от АК». Он входит в аудиторию со стаканом кофе и ноутбуком в 10.00. Опоздавших, как правило, не бывает. Или

Юлия Ивановна Ковыршина
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
ykovyrshina@eu.spb.ru

они просачиваются в аудиторию в перерыве. В аудитории тишина. Полная тишина. Никого даже не тянет производить звуки и действия. Он говорит тихо и в таком идеальном темпе, что ты успеваешь записать за ним и ручкой и на компьютере слово в слово. Его лекции — чистый кристалл.

Как-то я опоздала на один из последних семинаров по «Этнографическим источникам и основам академического письма». В Петербурге у меня обостряется топографический идиотизм, я могу потеряться на Невском проспекте. В Москве же, например, могу идти дворами интуитивно. Вот так однажды я пошла не в ту сторону от Таврического и сада ушла к Смольному, а не в ЕУ. Бежала обратно по набережной, тихонько заглянула в класс, сказала, что заблудилась, АК рассмеялся. Но почему-то в тот день все опоздали, докладчики в том числе, так что мне повезло.

Другие стороны АК раскрывались мне случайно при общении на факультете. Однажды он с улыбкой показал мне фотографию внука в океанариуме у бассейна с дельфином. Внук и дельфин были сопоставимы по размеру. Мне подумалось, что АК очень любит своих родных. Были и другие ситуации с АК, в которых я оказывалась по роду своей деятельности на факультете, но о которых рассказывать не буду, потому что за ними АК — очень чувствующий, очень верный дорогим ему людям, внимательный и человечный. И я это буду помнить о нем всегда, ЕБЖ. Мое чувство к нему — несказанно нежное.

2

В год, когда мы выбирали научных руководителей, АК не брал никого. Но мы все равно почти все по очереди к нему подошли с просьбой о руководстве. Подходила и я, получила ожидаемый отказ. Писать работу под руководством Байбурина — ну разве нужны объяснения? Он же с тобой говорить будет, тексты твои читать. Это сравнимо, ну не знаю, с тем, если бы Лотман с тобой, смертным, работал над твоим вроде-как-научным трудом. Но все у меня сложилось замечательно, на факультете есть другие Иерархи. Один меня призрел.

4a

Как человек православный с выраженным магическим мышлением, усиленным десятилетиями фольклорно-этнографической полевой практики и общения с информантами, я могу, пожалуй, быть примером воплощения традиционной (и нью-эйдж) картины мира в повседневных практиках женщины средних лет в России XXI в. Все в монографиях и статьях АК о традиционной культуре мне знакомо и понятно.

Я жила в разных квартирах и в разное время ставила там веточки чертополоха, вербы, вешала подкову над дверью (я так и не решила для себя, рогами вверх или вниз; интер-

претации обоих размещений убедительны, но я не выбрала ни одну), рисовала кресты мелом на двери. Все тайно, тайно. Иногда окуриваю квартиру ладаном и свечами. Однажды запаха ладана почувствовал сосед по коммунальной квартире, я сказала, ожидая насмешек, что «я тут это...», а он внезапно ответил, что понимает, у него мать очень религиозная. Отлегло.

Я храню пасхальное яйцо (не пахнет), однажды освящала свой дом, позвала бабушку. Напротив входа в квартиру у меня икона Богородицы. Гвозди тоже могу вбить в порог, когда нужно будет. На карнизе в комнате сына висит ловец снов, сделанный и подаренный Ребеккой из Иллинойса. После отъезда родных не стираю и не мою полов. Веник держу комлем вверх, а муж все время переворачивает, у него свой здравый смысл. Я храню четверговую соль, свечи, масло и мирру с Кипра, крещенскую воду (из-под крана).

В новую квартиру (в ней, с одной стороны, долго никто не жил, но с другой — что-то не так, я не понимаю, что именно) начали заселяться без меня, и из двух имевшихся в наличии котов первой перенесли мою кошку (муж сказал: «Даму вперед»). Теперь она умирает. И трудно сказать, была ли ошибка. Кот светлый и не мой. А моя кошка темная, трехцветная. Кто лучше ее смог бы забрать все на себя? Ритуальная жертва. Но, может, она просто заканчивает свою очередную непростую 16-летнюю жизнь, и ей пора.

Вы меня еще понимаете? АК, наверное, все понимает и смеется.

46

Рождения своего я не помню. Смерти тоже.

Но были беременность и роды. Берите попкорн. Пропп — ван Геннеп — Байбурин.

Во-первых, контринтуитивная вселенная. Чудо.

Моя гинеколог однажды сказала, что, наверное, я что-то хорошее сделала, что мне Бог дал такой подарок. Первая естественная беременность в 43 года с отягощающей патологией — это чудо.

В предшествовавший год я много молилась. Так получилось, не специально. Я путешествовала по Армении, Кипру, а там для туристов много церквей. Потом мы с мужем ездили на мотоцикле в Будапешт. Все время, пока мы ехали, я молилась. Может, это эффект такой оказался?

В квартире, где я жила во время беременности, от прежних хозяев остался календарь за 2002 год с белым конем. Даты совпадали с годом 2019. По нему я считала каждый день беремен-

ности (про коня — см., например, у Гуры). Этот или другой белый конь однажды снился мне, когда отец опасно болел.

Во-вторых, смерть. Во время ритуального перехода вы умираете и (если пройдете) возрождаетесь в новом статусе.

И в новом теле. У меня сейчас другое тело.

В этот период ваше отношение к телу меняется. Привычные ограничения и практики тела перестают быть актуальными. Меня несколько не смущало пребывание на гинекологическом кресле под тоскливыми и задумчивыми взглядами всех врачей отделения на понедельничном осмотре. Да хоть на стадион, только помогите нам.

До беременности у меня была патология репродуктивной системы. Когда-то на профосмотре в «Онегомед» (Петрозаводск, Карелия) гинеколог, спустив ноги со стола (sic!), сказала мне: «Ха, Вы даже не забеременеете». Отчасти она была права, однако, видимо, не все прочитала в медвузе, что было рекомендовано в ридере. Ну или люди не знают промысла Божьего.

С этой мыслью о невозможности иметь детей я спокойно жила до 23 декабря 2018 г., когда увидела положительный тест (я его храню). В тот момент мозги мои зависли, и в таком состоянии я пребывала всю беременность и после родов. Читаешь книгу и ничего не понимаешь. Мне было больно почти всю беременность и после. Это вообще очень неприятно жить с постоянной болью. Когда в пандемию я читала описания анализов больных ковидом, радостно узнавала свои гигантские показатели С-реактивного белка и D-димера, вспоминала: нужно сменить антибиотик на 3–4 поколения, клексан и аспирин подобрать. В перинатальном центре Педиатрической академии меня называли «загадочная женщина»: почему с такой кровью нет даже температуры? Я проходила инновационное лечение профессора Ветрова, мне делали уколы каждый день на протяжении 8 месяцев, и мои мышцы изменились. От железа я, наверное, звенела бы на рамках в аэропорту. Я привыкла жить с иглами в венах, мыть с ними голову, спать, ходить со стойкой капельницы за помощью онкобольной соседке по палате (ей точно хуже), и мы искренне жалели с медсестрой, что нужно после шести суток уже переставить катетер: «А ведь так хорошо стоит!» Из семидесяти килограммов через полгода я сбросила двадцать. Суммарная потеря веса семьи за время родов и выхаживания составила около 35 кг.

Скажу вам: одна из самых страшных вещей для человека — большая потеря крови. Даже если вам еще далеко до смерти,

становится холодно, жутко и тоскливо (см. статью АК про тоску), снятся кошмары. *Гематометра* — мне очень нравится это слово, как имя греческой богини — но это просто конец света, что такое. Ее нельзя остановить, перевязать, зашить. Когда я прочитала в отзывах рожениц жалобы на клеенчатые простыни и матрасы, мол, спать на них некомфортно, постелите натуральные, я смеялась: «Господи! Здоровые люди. Они даже не понимают, зачем это нужно».

Один прекрасный врач Центра им. В.А. Алмазова, который видел все на узи одним движением аппарата, вел сложнейшие монохориальные беременности (поуглите) и к которому стояли очереди страждущих матерей, на мой вопрос: «Я не умру? Вы мне поможете?» — ответил: «Мы не дадим Вам умереть. До 41 дня Вы попадаете в статистику материнской смертности». Боже, как я была рада этим словам (серьезно)! Я помню этот день, 11 сентября 2019 г., — мой 41-й день, с которого начались неизвестность и страх. Ну и все эти 40 дней ухода покойного из мира, 6 недель ограничения матери с ребенком от чужих глаз после родов — все мы это знаем в традиционной культуре. Медики, видимо, тоже читали АК, когда создавали свои регламенты. Решили не отступать.

Учитывая все сказанное, а также лошадиные дозы гормонов, количество потерянной крови и прочее, это, и правда, больше не мое тело. Но какое было тело в тот лиминальный период! По традиционным представлениям, мальчики делают маму красивой — так и было. Красивое и сильное, волосы шикарные. Мертвое только частично, но так уж полагается. Как оно все это выдержало? Никто не знает.

По привычке я не сплю на правом боку.

Я ношу определенную одежду.

Не люблю, когда идет кровь, злюсь и нервничаю.

Меня больше не интересуют посты про диеты и снижение веса.

Собираетесь на ритуал жизненного цикла? Тренируйте тело с расчетом на потерю всего, формируйте стратегические запасы. Пригодится однозначно.

В-третьих, волшебные помощники.

Вы не пройдете переход в одиночку. Вам нужны помощники. Желательно волшебные.

Как вы думаете, почему моего сына зовут Петр? Нет, в роду у нас не было Петров, это имя никому особенно не нравилось. Нет, не в честь Петербурга (хотя Петрунчик известен в Липецкой области также как Петя Питерский). Имя ему дал муж. В связи с «Чапаевым и Пустотой». Чего можно ожидать от такого

человека? Например, что он будет почти год ухаживать за ребенком, пока я стану выбираться из болезни и искать выход в новый мир.

У меня Божьим промыслом были самые лучшие в городе, а может, и в стране врачи. Меня вела одна из лучших акушеров-гинекологов Петербурга. И это — не знаю, сколько процентов успеха. Она никогда не говорила мне о последствиях текущего моего состояния, никогда не пугала. В нужный момент положила меня в перинатальный центр Педиатрической академии, дала мне контакт врача в Центре Алмазова, лечила меня после родов. Она все знала с самого начала, но не спойлерила.

Любой роддом сильно обрадовался бы, узнав, что я не к ним пришла рожать. Центр Алмазова занимается такими случаями, как наш, и это было, пожалуй, единственное наше спасение.

В-четвертых, дивный новый мир.

После перехода вы должны выйти в другой мир. Вернуться в прежний невозможно. Мой выход был очень долгим, и я не уверена, что он завершился.

После беременности — самого прекрасного времени, когда все о вас беспокоятся и заботятся, да и само явление это чудесное — вас выбрасывает в другой мир. Как будто дверь захлопнулась, и прежние помощи уже не работают. Помню, однажды, когда я бродила по этажам Центра Алмазова и пыталась советовать своим родным, какого врача позвать сыну (он уже был дома с отцом и бабушкой-дедушкой), я подумала: «Ты не управляешь даже собственным телом, как ты можешь управлять другими людьми?» Эта мысль стерлась со временем, но я стараюсь ее не забывать. Очень лиминальная и верная. Держите ее всегда при себе.

Во время беременности меня уволили из вуза, в котором я работала почти 20 лет. Когда было совсем тяжело, я сидела и кричала: «Не было меня!» Нет моего тела, нет сил, нет профессии. Я заперта в квартире, из которой не выхожу неделями. Потом еще пандемия началась. Вначале я пыталась, видимо, вернуться в прежний мир: писала работы на заказ, консультировала. Потом это все ушло.

Сейчас я в новом мире. Он другой, довольно жесткий, с совершенно новыми задачами, и я его плохо знаю. Я счастлива своей семьей и работой. Весь прежний мир бесконечно далек и неинтересен мне. Меня мало занимают вопросы типологии традиционных напевов. Гораздо сильнее увлекают поиски дневников матери Тамерлана «Мой сын», воспоминания матери

Шумахера «Судьба гонщика», популярные издания вроде «Ваш ребенок — Шут: инструкция по выживанию», «У вас появился ребенок: как помочь коту» и пр.

4в

Недавно я получила новый паспорт по достижению возраста. Он самый обычный, в бордовой обложке из кожзама с надписью «паспорт». В нем проставлены все необходимые отметки — прописка, сведения о детях. В прежнем паспорте у меня еще была отметка о группе крови. Для фотографирования я подстриглась и накрасилась, но все равно получилось «как в паспорте». Паспорт я стараюсь использовать только по назначению и только своей.

5

Будьте здоровы и благополучны, Альберт Кашфуллович! Вы нам очень нужны!

ЖАННА КОРМИНА

1

Очень хорошо помню первую встречу с Альбертом Кашфулловичем. Это было в самом начале работы Европейского университета, на открытых курсах. Я пришла туда вслед за одной моей знакомой, которая, в отличие от меня, про Байбурина знала и даже читала уже его книги. Дело было в сером мрачном здании, где обитали несколько оставшихся с советского времени институтов, в том числе казавшийся нам невероятно смешным Институт охраны труда. Здание было на улице Фурманова. Улицу только что переименовали в Гагаринскую, по имени владелицы этого здания княгини Гагаринской, но в тот момент оба наименования еще были в ходу. Существенно позже, когда основательно ставший на ноги университет сделает очистку фасада, серое здание Малого Мраморного дворца окажется нежно-розовым, а старое название улицы совершенно забудется.

Аудитория, куда мы с приятельницей явились, была полна, так что мы еле нашли себе место. Альберт Кашфуллович не читал, кажется, регулярных университетских курсов, но был широко известен в гуманитарно-академических кругах благодаря своему «Жилищу» и только что вышедшей книге

Жанна Владимировна Кормина
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
jkormina@hse.ru

«Ритуал в традиционной культуре». Ученик Лотмана и выпускник Тартуского университета, он слыл в питерско-московской академической среде иностранцем и интеллектуальным модником. Его лекции на открытых курсах были посвящены семиотике культуры. Мне, недавно закончившей исторический факультет УрГУ, семиотика эта казалась чем-то прямо-таки волшебным, а лектор — фокусником, умеющим доставать кролика из шляпы и превращать его по щелчку пальцев в то, чем он на самом деле является, допустим, в шелковый носовой платок лилового цвета в желтую крапинку. Предлагаемая логика метаморфоз была мне незнакома, она вызывала недоумение и одновременно завораживала, так что я пришла не только на вторую лекцию курса, но и на все остальные и даже написала по нему отчетную работу, что было вовсе не обязательно. Кажется, всем нам, оставшимся на курсе до конца, преподаватель поставил отличные оценки, но меня лично моя пятерка сильно удивила, поскольку не казалась мне заслуженной — ни интеллектуальным фокусам метаморфоз вещей и идей, ни изяществу изложения я (тогда еще) явно не научилась.

Разумеется, на следующий год я пошла поступать на факультет этнологии, не особенно рассчитывая на то, что меня, такую неподходящую, и к тому же неместную, туда возьмут. В те времена большинство обучающихся в Европейском университете были из Питера. К моему удивлению, в университет меня приняли. О научном руководстве, конечно, я попросила Альберта Кашфулловича. Те фольклор и этнография, о которых он рассказывал, были по-прежнему удивительны для меня и не похожи ни на что: они не были ни академически скучны, ни, упаси Бог, поучительны; они давали пространство для увлекательной интеллектуальной игры и рассказывали о традиционной культуре с такого неожиданного ракурса, что продолжали завораживать.

3

Альберт Кашфуллович согласился руководить моей работой, и мы взяли странноватую тему, в которой история встречалась с семиотикой культуры. Предполагалось, что диссертация станет развитием идей моего научного руководителя, изложенных им в книге «Ритуал в традиционной культуре», и это даже отчасти получилось, но меня от изящной семиотики уносило то в гендерные исследования, то в литературу по идентичности и национализму, а в какой-то момент я вообще покинула обжитые читальные залы Публички и БАНа и отправилась в провинциальный военкомат брать интервью у призывников, так что результат оказался не таким, как, может быть, Альберт Кашфуллович хотел бы. Но он мне об этом так ничего и не сказал. Терпел эти поиски, правил мой излишне цветистый слог, лишь изрекая иногда: «Будьте проще — сядьте на пол».

Наверное, лучший комплимент учителю — когда ученики строптивы, самостоятельны и не похожи на тебя. Альберт Кашфуллович — удивительный научный руководитель. Он не говорит, как надо, но он точно знает, как не надо. Он никогда не говорил «делай, как я», но учил уважать и ценить сделанное до тебя в твоей области. Прекрасно помню, что он терпеть не мог ритуальных ссылок на собственные тексты у своих учеников, таких, что делаются для обозначения автором своего места в академическом поле или из соображений научного этикета. Предшественников своих надо читать, спорить с ними, но глупо навешивать на себя списки имен как дембель на свой китель — значки и аксельбанты.

Благодаря Альберту Кашфулловичу я впервые оказалась на настоящей заграничной конференции. Это была славистическая конференция, точнее то, что теперь принято называть workshop, которую устраивал в Сорбонне глава французской славистики Франсис Конт. Помню прием, устроенный для нашей группы какой-то герцогиней в ее прекрасном особняке в Париже, где были слуги, и начищенное столовое серебро, и соответствующая атмосфера. Альберту Кашфулловичу очень шел Париж, и он мог туда переехать, но не стал этого делать: потому что был деканом факультета в Европейском университете, потому что у него было много аспирантов, потому что в России было интересно — динамичная академическая тусовка, друзья, жизнь, Петербург. И он остался. Хотя во Франции, думаю, ему тоже было бы хорошо — ему, но не нам. Уедь он тогда, не было бы, вероятнее всего, замечательного журнала «Антропологический форум», в который я сейчас пишу этот текст.

5

Писать про Вас, Альберт Кашфуллович, трудно. Вы человек камерный, непубличный, строгий, человек тихого медленного разговора. Мы вели их иногда, хотя и реже, чем хотелось бы. Я всегда помню про Ваш день рождения, но думаю о Вас куда чаще: именно Вас я вижу читающим каждый текст, который пишу. С днем рождения, великий маг и волшебник!

ЕЛЕНА ЛЕВИЧКИНА

1

Мое знакомство с Альбертом Кашфулловичем случилось, как, вероятно, у многих, сначала как с автором книг по русской этнографии. На семинаре ныне покойной Натальи Михайловны Герасимовой мы читали прогрессивные труды современных представителей течений, которые можно было бы назвать глотком свежего воздуха в слегка

Елена Анатольевна Левичкина
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
elovichkina@eu.spb.ru

пропыленной советской науке. А потом случилась конференция памяти В.Я. Проппа, которую практически все фольклористы филфака помогали организовывать и проводить. Тогда мы, студенты, многих ученых впервые услышали и увидели вживую.

Я не помню Байбурина по той конференции. Скорее, помню, как помогала Чистову искать в аудитории зонтик... Как угощала пирожками Путилова. Но в тот период они все вдруг для нас ожили, превратились из букв в учебниках в живых людей. И мы сами начали искать встречи с ними. Наверно, только так и зарождаются научные школы.

Так или иначе, эта интенция однажды привела меня в Европейский университет. «Там же Байбурина лекции читает! Представляешь? Бай-буу-рин!» — произнесла мне по слогам, сидя на окне общежития, подружка.

2 Потому что он был для меня абсолютным авторитетом в области, в которой я хотела бы продолжать работать. Но он меня не взял. Слишком много было уже желающих. Я что-то долго металась, раздумывала. Ну и вот.

3 Я не помню своих чувств. Только когда Альберт Кашфуллович, бывало, дергал плечом — хотелось, чтобы он перестал. Как-то чувствовала сразу свою причастность к этому, будто в чем-то провинилась. И скрепка еще эта...

4а Я, когда роняю столовый прибор, всегда стучу черенком по столу и говорю: «Сиди дома». А после всяко напоминаю себе, что это единственное, что я себе позволяю, — и что я специалист, мне можно. А, не... еще соль. С солью просыпанной ожидаю каких-нибудь ссор. Это, кажется, уже у Ани Кушковой. В общем, в жизни я довольно прагматична)))

4б Когда меняла паспорт, как раз готовила к изданию книгу Альберта Кашфулловича. Очень трудно одновременно и участвовать в ритуале, и читать его анализ. В результате поменяла свою подпись в паспорте. Хотя не собиралась.

4в Мой паспорт в веселенькой обложке с лисами, зайчиками и медвежатами. Очень радуюсь всегда, когда достаю. За оборотом обложки удобно хранить счастливые билетки и скидочные купоны в кафе.

5 Альберт Кафуллович по-прежнему является для меня иконой классической научной школы. Он только все больше становится хрустальным — человеком из идеального мира, в который невозможно уже вернуться.

СЕРГЕЙ ШТЫРКОВ

Обряды перехода: личные и общие

Студентам, изучающим социальную / культурную антропологию, прямо и исподволь внушают в качестве своего рода морального императива простую мысль: их профессиональная деятельность, связанная с жизнью той или иной социальной группы, не должна приводить к тому, что условия жизни членов этой группы ухудшатся. Говоря словами куда более древней корпорации, антрополог должен всегда помнить, что главное для него «не навредить». Но не нужно быть многоопытным и изощренным в выдумывании сложных этических ситуаций человеком, чтобы понять — на практике этот императив осуществлять бывает сложно.

Даже если оставить в стороне довольно простые (казалось бы) вопросы обнаружения личных данных участников исследования, с нами остается постоянная проблема того, что может стать с написанными нами текстами. Ведь эти тексты могут неправильно понять (или, что хуже, очень верно уловить таящиеся там наши непроговоренные интенции); их могут использовать другие люди в неожиданных для нас целях и контекстах; мы можем и должны задаться вопросом, каково наше право на публичное рассуждение о том, что если и принадлежит нам, то только отчасти; и пр. И, как показывает жизнь, простодушные и часто чистосердечные аффирмации о любви, преданности и уважении к тем людям, которых мы изучаем, может, и работали в каком-то прекрасном прошлом, но сейчас выглядят смешно и безответственно. Что ж, по грехам нашим.

Так что, написав что-то или сказав в интервью, мы порой можем только ждать, зажмурив глаза и вжав голову в плечи, реакции взыскательной и поднаторевшей в постколониальной и прочих критиках публики — вдруг нам удастся хотя бы в этот раз никого не задеть и не обидеть. И это еще не говоря о том, что всегда с нами остаются возмож-

Сергей Анатольевич Штырков
Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
shtyr@eu.spb.ru

ность aberrаций памяти и перспектива попасть в ловушки локального знания, которое изменчиво и очень уж локально.

В случае с воспоминаниями о дорогих тебе людях ситуация не очень отличается — те же вопросы, те же опасности. Так что на свой страх и риск, сбиваясь в своих нарративных режимах от эпоса к анекдоту и при этом оставляя многое устной нарративной традиции, вспомню о нескольких эпизодах нашего совместного с юбилеем прошлого.

В 1985 г. я, не добрав нужных баллов, не поступил на кафедру ЛГУ и в ожидании следующей приемной кампании устроился работать курьером в ЛО ИЭ АН СССР. Должность моя была поскромней той, которую довелось занимать Акакию Акакиевичу, так что взгляд на научный коллектив института у меня был весьма своеобразный и классово ангажированный. С большинством сотрудников я общался, когда доставлял им почту или отправлял ее. А.К. Байбурину приходило много писем, и, когда я доносил их до него, он принимал доставленное с удивленным интересом, каким-то трудно уловимым способом давая мне понять, что я делаю его работу полной приятных сюрпризов. Большинство других сотрудников были слишком заняты своими трудами, чтобы как-то на меня реагировать, кое-кто, наоборот, проявлял ко мне искреннее родительское участие, которое, правда, казалось мне чрезмерным и неуместным. А вот Байбурину удавалось сделать так, чтобы я чувствовал себя одновременно нужным и самостоятельным, что очень льстило моему большому самолюбию. Я просто мечтал научиться вести себя так же, как он и, когда стану взрослым, демонстрировать такие же простоту и уважение ко всем, с кем мне доведется столкнуться, независимо от их социального статуса.

Впрочем, не все задуманное сбывается. Момент, когда я стал взрослым, я бездарно пропустил и осознал это, когда с обреченной печалью понял, что вести себя нужным образом так и не научился. Но сейчас речь о другом. Курьеры в те древние времена могли проявлять благосклонность к своим фаворитам с помощью почтовых марок, которые они могли сами выбирать при покупке в почтовых киосках (мой любимый был у армянской церкви на Невском) и наклеивании их на те письма, которые их просят отправить. Так вот, корреспонденты Байбурина, пока я работал в Кунсткамере на указанной должности, получали письма с самыми красивыми марками. Интересно, обращали ли они на это внимание.

А еще как-то раз я стал объектом семиотического миссионерства нашего героя, когда мы с ним вместе оказались на дежурстве в ДНД (Добровольной народной дружине). За это нам давали дополнительные дни к отпуску, и мне они были очень

нужны для подготовки к новому поступлению в университет. Находясь в наряде в опорном пункте милиции на улице Камской, мы, дружинники, рассеяно бродили по Смоленскому кладбищу, разглядывая старые памятники. Среди них-то мы и нашли заснувшего подвыпившего старичка, довели до этого пункта на Камской, но не отдали его в руки карательной медицины, а дождались, пока он немного придет в себя, и не без труда дозвонились до его дочки, чтобы выдать задержанного любящим родственникам. Пока рядом с нашим дремлющим задержанным я читал вузовской учебник по истории СССР, Байбурин деликатно поинтересовался моими планами на жизнь. Узнав, что я твердо решил стать археологом, он не менее твердо мои намерения поддержал и даже посетовал, что ему уже археологом не стать. Я его утешил, как мог, и в ответ получил очень меня взволновавшее рассуждение о том, что древние люди, жизнью которых я планировал вплотную заняться, очень много сил и талантов расходовали на то, что не было прямо связано с перспективами их физического выживания, что их культура была очень сложна и разнообразна и что современность в этом смысле являет собой весьма блеклое зрелище. Я в те годы видел ситуацию несколько иначе и, как большинство археологов, занимался изучением вопросов хозяйствования, не без основания подозревая, что стоит нам вторгнуться в проблематику «духовной культуры», мы сразу попадем под контроль советских идеологических чиновников. Горячая, хотя и краткая проповедь моего товарища по ДНД хорошо соединилась с уже имевшимся у меня к нему почтением и, уверен, повлияла на то, что через несколько лет я начал смотреть на свою археологию иначе, погрузившись в то, что один мой добрый приятель называл тогда с ухмылкой «этот твой чет-нечет». В моем «чете-нечете» очень большое место занимали работы Байбурина, и я их относительно хорошо (для студента истфака) освоил.

Особенно меня как археолога раззадорила статья про семиотический статус вещи. Я даже написал какой-то короткий бестолковый текст про то, как на это всё должны смотреть археологи (он даже вышел, но я не помню где). Кроме того, мне посчастливилось слушать лекцию на эту тему в курсе по семиотике культуры, который единственный, кажется, раз был прочитан Байбуриным на кафедре этнографии в ЛГУ (в те годы там очень ревниво относились к идеалистическому повороту, которым грозила потрясти основы советской этнографии рафинированная этносемиотика, а Клод Леви-Строс имел репутацию *enfant terrible*, намеренно скандализирующего общественность). Про это мое знакомство с предметом, собственно, и мой следующий рассказ, в котором речь пойдет о ЕУСПб, где АК стал моим научным руководителем.

Байбурин иллюстрировал эту свою концепцию, приводя примеры использования в ритуале разных вещей. Но самой любимой его вещью в те годы был веник (возможно потому, что в 1995 г. про него вышла яркая статья Виноградовой и Толстой). Во всяком случае у меня это рассуждение плотно ассоциировалось с веником. И вот, когда мы в ЕУСПб слушали на первом курсе его лекцию все про тот же знакомый мне статус вещи, я оказался несколько лучше по сравнению с моими товарищами знаком с темой. Занятие шло своим чередом, и когда теория была рассказана, наш лектор вслух задался вопросом: «На каком примере вам это показать?» — и погрузился в раздумья, которые нужно было читать как трудный процесс выбора между большим количеством вариантов. Тут я воспользовался возникшей паузой и, стараясь быть услышанным моими однокурсниками, но не услышанным преподавателем (это мне удалось), громко прошептал: «Вот, например, веник». Через секунду Байбурин прервал свои раздумья, сказав: «Возьмем, например, веник...» Класс захихикал, я пожинал плоды своего таланта юмориста и знатока классического наследия, преподаватель же посмотрел на веселящихся на ровном месте студентов с легким недоумением и продолжил свой рассказ про веник и его столь подвижный семиотический статус. Этот «например, веник» был еще какое-то время эквивалентом «рояля в кустах» для нашего курса. Теперь у меня, конечно, своих веников хватает, и уже мои слушатели, наверняка, легко и, надеюсь, с понимаем выявляют их в потоке моих лекционных рассуждений.

Кстати, у моего рассказа есть еще одна мораль (помимо очевидной — нечего думать, что раз у твоего профессора были заготовки, ты его превзойдешь и будешь являть чудеса спонтанного остроумия). Эта мораль такова. Мы часто благодарим тех людей, жизнь которых мы пытаемся изучать, за их помощь. Действительно, мы мало что можем сделать без их готовности нас терпеть рядом с собой. В принципе мы используем их жизни как свой профессиональный ресурс — как основу для своего заработка и карьеры, как повод убедить себя в собственной состоятельности и важную составляющую своей репутации. У меня часто возникает чувство, что во всем этом есть что-то от мистификации. Ведь мы не только выдаем изображение чего-то за это что-то, но и делаем это с таким видом, как будто сам факт существования того, что стоит за нашим порой весьма условным изображением, прямо зависит от нас и без нас ничего этого и не было бы в природе. Но это мы производны от других людей, а не они от нас. И наши успехи были бы невозможны, если бы другие люди не были столь великодушны, чтобы проживать для нас свои жизни, и, как в случае с А.К. Бай-

буриным, не были столь деликатны и одновременно щедры на приглашение нас в свою веселую науку.

Правда, чтобы воспользоваться этим приглашением, иногда нужно протискиваться через узкие врата, создаваемые как корпоративным ревнительством, так и подстегиваемым этим ревнительством воображением посвящаемого. Одним из испытаний, которые приходилось проходить поколениям слушателей факультета этнологии, а потом антропологии ЕУСПб, было наблюдать, как Байбурин реагирует на то, как они делают доклады про свои исследования. По каким-то неведомым мне и моим товарищам причинам он, обычно очень сдержанный в проявлениях эмоций, вел себя на докладах так, словно слышимое доставляет ему настоящее страдание. Альберт Кашфуллович издавал тяжелые вздохи, преходящие в тихие стоны или покряхтывания, прятал лицо в ладони, как будто наблюдать за происходящим ему было невыносимо, резко откидывался на стуле, что нельзя было прочесть иначе, чем «мое терпение кончилось, замолчи ты уже в конце-то концов», и, наконец, клал голову на свои лежащие на столе руки, что в обычных условиях обозначало бы одно — «то, что я сейчас слышу, до безнадежности глупо и пошло; автор, избавь нас всех от лицемерия своей агонии». Это было видно всем присутствующим, но именно докладчик считывал эти жесты как жесткую молчаливую критику и фактически смертный приговор, выносимый ему как исследователю. От каждого, кто продолжал говорить, после того как до его слуха доносился полный боли вздох Байбурина, требовались исключительное самообладание и даже жестокость — ведь ему в эти моменты приходилось бороться с желанием избавить дорогого преподавателя от мучений. А для этого нужно было всего ничего — немедленно прекратить свой никчемный доклад и уйти с факультета, чтобы никогда более там не появляться. Особенно туго приходилось тем, кто находился под научным руководством Байбурина, и мне в их числе. Они всем своим существом понимали, что этим докладом позорят своего ученика и лучше бы им и на свет не рождаться.

На самом деле реакция, которую после своего выступления получал докладчик (докладчица) от Байбурина в виде вопросов и комментариев, плохо соотносилась с тем, что ему или ей приходилось видеть по ходу выступления. Попросту говоря, обычно он отпускал нас с миром, а то и говорил пару скупых слов похвалы. И, как уже сказано, мне непонятно, почему АК вел себя так. Может, думал о чем-то своем, может, просто скучал. И, признаться, теперь мне даже хочется, чтобы это осталось нераскрытой тайной нашего факультета. Слушателям последних лет, привыкшим к общению по Zoom, наверно, трудно себе

представить это драматичное зрелище. Но надеюсь, что эта загадка исследовательских семинаров к нам вернется, ведь, кажется, мистериальность должна быть в любом надежно работающем обряде посвящения.

ОТ РЕДАКЦИИ

Ну что тут скажешь. Можно только порадоваться за нашего главного редактора, живущего в атмосфере всеобщей любви и восхищения. И совершенно заслуженно.

Многие лета, дорогой Альберт Кашфуллович!